

Заключительное слово докладчика

В.Э. Багдасарян

Уважаемые коллеги, хотел бы всех поблагодарить за конструктивные замечания. Вероятно, это прозвучит как парадокс, но подавляющее большинство замечаний — в том числе критического характера — по логике синергийной методологии, могут очень четко быть имплементированы в разрабатываемую концепцию.

Кто-то из великих сказал, что традиция — это та часть нашего прошлого, которую мы полагаем перенести в будущее. Возможно здесь ключ к пониманию традиции и природы ее взаимодействия с модерном. Далеко не все из наследия предков достойно быть транслированным потомкам. Никто не призывает, к примеру, реанимировать обычаи каннибалистских племен. Но существуют некие фундаментальные основы бытия тех или иных социумов, межпоколенная трансляция которых является неременным условием их жизни. Об этих традициях, собственно, и шла речь в проекции синергийного миростроительства. Предложенная трехуровневая дифференциация традиций дает, как представляется, методологический ключ к пониманию природы преемственности.

Зачастую в ходе обсуждения доклада происходила некоторая подмена категориального аппарата и параметров. Смешивались, в частности, различные масштабные подходы. Между тем, топографический масштаб близлежащих окрестностей не может быть адекватно применен для рассмотрения географии материков и континентов, а погодная хронология — к оценке эпох развития человечества. В первой части доклада мы оперировали метаисторическими параметрами, во второй — масштаб был исторически ограничен поколениями цивилизационных инверсий. Во время дискуссии эти два масштабных подхода накладывались один

на другой, приводя к некоторой деформации восприятия выдвигаемых концептов.

Базовыми — в обозначенном исследовательском дискурсе — нами были определены две категории: изменчивость и преемственность. Но, зачастую, при обсуждении они подменялись иными категориальными конструктами. Происходила подмена: вместо изменчивости и преемственности, выражаемых через модерн и традицию, оппоненты оперировали категориями изменчивости и устойчивости. Соответственно, как объект критики выстраивалась более привычная дихотомия модернизма и консерватизма. Имеющий совершенно иную, неконсервационную природу традиционализм загонялся в удобные для критического анализа, стереотипизированные рамки консервативной идеологии. Традиция, между тем, ни есть охранительство. Она выражается качеством преемственности, что, естественно, не одно и то же с консервацией. Концепт как раз и заключался в том, что истинное, устойчивое развитие может быть достигнуто именно в сочетании преемственности и изменчивости как качеств, противоположных консервационности.

Можно ли совместить обозначенные качества в принципе? Не есть ли это очередная утопия? В действительности, они и так феноменологически соединены. Элементы преемственности и изменчивости существуют абсолютно во всех общественных системах. Данные качества есть универсальные имманентные признаки социального бытия. Другой вопрос, что в ряде систем существует определенный перекосяк в сторону одного из номинированных качественных состояний. Лейтмотивом всего выступления являлось выдвижение императива по достижению традиционалистско-модернистского цивилизационного оптимума. Отсюда проецировался выход на задачу выстраивания оптимизационной направленности государственно-управленческих решений. Мы выдвигаем концепт не реформирования системы и не подталкивания ее в одну или в другую сторону, а концепт оп-

тимизации. Необходимо найти оптимум сочетания изменчивости и преемственности, найти меру, специфичную для каждой из цивилизаций.

Категория свободы. Действительно без нее развитие невозможно. «Мертвые управляют живыми», — говорил в свое время Огюст Конт в плане критики традиций. Модерн освобождал человека. Но логика высвобождения человека вступала на определенном этапе в противоречие с социальной реальностью. Человечество, наконец, дошло до того уровня свободы, когда дальнейшая ее актуализация может привести его к гибели. Свобода в своем абсолютизированном выражении дошла до точки самоотрицания. Следовательно, не будучи ограниченной в оптимизационных пропорциях действием традиций, она из фактора развития может перейти в фактор деструкции.

Методологические источники работы — гегельянство, генонизм и теорию цивилизаций — не следует никоим образом отождествлять с авторской методологией исследования и, тем более, с теоретическим содержанием. Стремление включить предложенный концепт в известную концептуальную матрицу есть естественная и понятная реакция восприятия нового. Между тем, сформулированная теория имеет самостоятельный по отношению ко всем трем названным учениям характер. Маркеры гегельянства и, тем более, генонизма к ней неприменимы. И Гегель, и Генон определенным образом повлияли на формирование выдвигаемой концепции, но не более того.

Некоторые пояснения необходимы в отношении апелляции к демографическим показателям. За скобки доклада выводились данные, полученные в реализованном Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования исследовательском проекте по выводу России из кризиса депопуляции. Для тех, кто давно следит за разработками Центра, контекстуальный шлейф не требовал специальной реконструкции. Но, вероятно, эти результаты

известны не всем участникам семинара. В соответствующем проекте была разработана, в частности, четырехфакторная модель объяснения природы демографических процессов. Состояние цивилизационной идентичности определялось в ней одним из весомых, но не единственных факторов, популяционной динамики. Посредством использования математического инструментария была установлена факторная иерархия, в которую входили, помимо цивилизационной идентичности, факторы идейно-духовного состояния общества, качества государственного управления и материального положения населения. Их воздействие на демографическое поведение имело комбинированное значение. Так, высокая репродуктивная динамика периода перестройки обеспечивалась не столько фактором цивилизационной идентичности, находящимся в фазе снижения, а улучшением духовного состояния: «ветер перемен» и социально-материального положения — «антиалкогольная кампания». Была построена система парных корреляций, посредством которой устанавливалась весомость факторов на различных исторических отрезках времени, включая те, к которым апеллировали оппоненты. Возможно, в докладе стоило привести соответствующие рисунки и доказательства. Но как же тогда быть с упреком в непомерно большом объеме представленного текста?

Вступила ли Россия в фазу модернизации? Применение методологии теории вариативности развития позволяет утверждать о цивилизационном различии модернизационных моделей. Приводилась соответствующая матрица, демонстрирующая фундаментальные расхождения между ними. Понятно, что российская модернизационная платформа существенно различалась, к примеру, с западноевропейской. Кроме того, при вариативности цивилизационных диапазонов развития типологизируются соотносящиеся со страновым контекстом модернизации дискретного и консервативного типов. Первая осуществлялась через разрыв с национальными традициями, вторая — через их эксплуатацию. В России ис-

торически реализовывались различные модели, сменяя друг друга в ритмике цивилизационных инверсий.

Следует ли брать в «общество будущего» пережившие модернизм элементы домодернизационного бытия? Сама постановка такого вопроса напоминает рефлексию российских социалистов конца XIX — начала XX в. в отношении института общины. Может ли общинная структура, возникшая еще в докапиталистическую эпоху, быть перенесена в систему социалистической организации? В современной России, бесспорно, (как, впрочем, в любом обществе новейшего времени) сохранились определенные элементы системы традиционного типа. Проблема их перенесения в стадию синергийного развития имеет в каждом конкретном случае собственный вариант управленческого решения.

Проблема проведения грани между синергийным и синкретическим миропониманием. Приводившийся график о соотношении православного и языческого компонентов в мировосприятии русского крестьянства XIX в. действительно иллюстрирует ситуацию религиозного синкретизма. Как синергийные эти воззрения и не характеризовались. Апелляция же к феномену синкретизма приводилась как аргумент того, что на уровне обыденного сознания комплиментарное сосуществование различных религиозных традиций вполне возможно. Тезис о том, что традиционные религии обязательно вступают в конфликтное соперничество друг с другом, подвергался, таким образом, в рамках синергийной проекции существенной корректировке. Напомню еще раз о трехуровневой пирамиде традиций. На высшем пирамидальном уровне, где ставится вопрос о жизни и смерти, о любви, о продолжении рода, о других базовых категориях человеческого бытия, позиции различных традиционных религий совпадают. Это и есть основание синергийности.

И последнее, по поводу рецептуры управления. В данном исследовании не ставилась задача предложить детализированное описание управленческих решений. Эта задача была

бы и непосильна ввиду глобального характера сформулированной проблематики. Но это вовсе не означает, что разработка концептов управленческих конструктов синергичной политики как исследовательская задача вовсе отсутствует. В этой связи я хотел бы обратить внимание на два проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, в которых, как мне представляется, была достигнута реализация методологии синергичного подхода. Во-первых, это демографический проект, где рецептура нормативно-правовых актов построена как раз на сочетании, с одной стороны, духовных, традиционных ценностей, с другой — модернизационной реальности современности. Во-вторых, экономический проект, лейтмотивом управленческих решений в котором является идея о возможности синтеза нравственных основ экономики и инновационного пути развития.

Время работает на синергию. Если обозначенные в докладе тренды верны, то востребованность сформулированной концепции развития будет неизбежно возрастать.